

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 13 декабря 1986

'NUESTRO PAIS'

Buenos Aires, sábado 13 de diciembre de 1986 No. 1898

Е. ВАГИН

Актуальность монархизма... в СССР

Когда некоторые из новейших эмигрантов (очень немногие, правда) рассказывают о "монархических настроениях" в Советском Союзе, к их свидетельству относятся, как правило, скептически, а в некоторых "влиятельных" кругах — и прямо насмешливо. Надо сказать, что и скептицизм этот, и традиционная ирония "демократов" — во многом наиграны, неискренни. Как правило, они скрывают за собой резкое, подчас злобное неприятие всего, связанного с монархическим прошлым России, а нередко и опасение — как бы великоколепие, блеск, жизненная полнота этого славного прошлого не оказались притягательными для молодежи, не пробудили в ней жажду высоких и чистых национальных и религиозных идеалов. Так — в среде эмигрантской номенклатуры (особенно — новой); так — и в официальной литературной продукции в Совдепии.

Тем более показательно, когда на бесконечно серых полотнах советской прессы, дурно пахнущих типографской краской и несусветной скукой вдруг сверкнет живая мысль — чаще всего лишь намек (но опытному читателю и этого достаточно: нигде нет таких терпеливых и благодарных читателей, как в современной России!) неизбежно вслед за этим намеком на нечто живое следует или начальственный окрик сверху, или ядовитая реплика-донос "товарища по ремеслу", а то и вовсе оркеструется целая свора стервятников с членскими книжками Союза Советских Писателей. Но в самое последнее время происходят вещи странные: официально провозглашена необходимость "гласности", и в этой совсем необычайной для советских обстановке чаще, чем когда-либо, "искрит" в прессе — хотя тут же срабатывает старый инстинкт, и немедленно включается в игру кто-то из старых "проработчиков" или начинающих карьеристов. Так вот, листая "Литературную газету", обнаружилось следующее...

В номере от 15-10 "размышляет критик И. Янская". Критикесса, впрочем, не размышляет — она ядовито *облаивает* другого критика, который высказал сомнение в ценности такого широко распространенного в СССР литературного жанра, как "биографическая проза" (что это такое — увидим дальше). Этот другой критик, М. Чулаки, критикует книги трех разных советских авторов, которые — так излагает И. Янская содержание его статьи — "*хлопочут единственно из желания не прослыть монархистами и продемонстрировать презрение к российскому самодержавию*".

Что какие-то советские авторы (а точнее все, кто хочет печататься в СССР) "*хлопочут*", как бы их не заподозрили в монархизме — это более чем понятно. (Ведь и на свободном Западе положение немногим лучше...) Но вот чтобы какой-то критик осмелился сказать такое в совет-

ской газете (и его напечатали!) — это поистине необычно. А тут еще такая, обобщающая, фраза в статье И. Янской: "*нынче попадают в литературу заступники за доброе имя российских самодержцев*".

Оставим сейчас в стороне нравственную оценку такой "критики", которая в старину именовалась доносом, и еще недавно могла дорого стоить тому, кого "критиковали" в этом известном жанре. Это — нравы советской литературной среды, которые вывозятся и в эмиграцию бывшими членами ССП. Ведь заявил же один маститый литератор чуть ли не в первой своей пресс-конференции на Западе, что самая страшная опасность для будущей свободной и демократической России сейчас — рост националистических русских и (все же!) монархических настроений, и что, "как всем известно", Имьярек (имя было произнесено полностью) один из вождей "Русской партии", носит перстень с российским императорским гербом... Будучи в СССР, этот маститый литератор много писал об "угрозе неофашизма и реваншизма" в Западной Германии, — что не помешало ему прямехонько направиться в эту страну и там обосноваться...

Так вот, после такой фразы критика И. Янской очень захотелось посмотреть, что же такое в действительности написал критик М. Чулаки. В той же "Литературной газете" от 3-9 — его статья, в которой спокойно и на конкретных примерах показывается, как самые даже известные сочинители "биографической прозы" впадают в "антиисторизм" в своих "суждениях о самодержцах". Один пример. Ю. Тынянов в книге "Смерть Вазир-мухтара" утверждает, будто для А. С. Грибоедова Николай Первый был "всего лишь выскочкой". В связи с этим М. Чулаки замечает, не без горького чувства, что такие "авторы хотели бы, по-видимому, чтобы русские цари восприняли наши современные взгляды, чтобы Екатерина Вторая признала в Пугачеве своего законного супруга и отдала ему престол, чтобы Николай Первый добровольно сдался декабристам на Сенатской, а Александр Второй вступил в "Черный передел".

И дальше М. Чулаки пишет — в советской "Литературной газете" (3 сентября): "Особенно забавно, что все перечисленные авторы поминутно вспоминают в своих книгах Пушкина, а уж ему-то историзм был свойственен в высшей степени! Пушкин 20-х годов сочувствовал идеалам декабристов, многих из них знал лично и любил, но никогда он не упрекал Николая в подавлении восстания: такова была его царская "работа", поступать иначе император не мог. И даже Пушкин, потомок Радши, не считал Николая Романова выскочкой. Еще менее мог так думать подлинный Грибоедов: Николай был наследником законным, естественным, младшим братом бездетного импера-

тора; больше того, среди всех лиц, перебивавших на русском престоле после Петра Первого, он был самым законным и естественным, ибо законность царствования его старшего брата омрачала осведомленность Александра о заговоре против отца, а о сомнительной законности остальных нечего вообще и говорить..."

Такие пассажи не часто встретишь в советской литературе! Мы далеки от того, чтобы заподозрить советского критика (и писателя) М. Чулаки в идейном монархизме — но его *порядочность*, как литератора, историка и просто как человека — вне всякого сомнения. Чего нельзя сказать об истеричной И. Янской, глаголющей что-то о "примитивно-сословных установлениях", о "захватывании власти ценою крови" — это о Николае Павловиче! А *порядочность* такого рода — первый шаг к восстановлению поправленной исторической правды, к нормальному, не злобно-искаженному видению русского прошлого, российских самодержцев. К такой атмосфере в обществе, когда не будет нужды скрывать, таить монархические чувства и симпатии, как что-то постыдное. Когда невозможно будет появление не только такого рода "критик", как бездушный опус И. Янской, но и безответственных сочинений в жанре "биографической прозы".

Что же это за жанр такой? М. Чулаки, помимо старой книги Ю. Тынянова, называет и совсем новое сочинение — толстый том Игоря Волгина "Последний год Достоевского" (Москва, "Советский писатель", 1986). Хотя книга эта и имеет подзаголовок "Исторические записки", принадлежит она именно к обсуждаемому жанру "биографической прозы" и ярко демонстрирует все его несурзности. Дело в том, что авторы подобных сочинений — как убедительно показал в своей статье М. Чулаки — создают *будто бы* документальный образ того или иного исторического лица, писателя, опираясь на разнообразный документальный материал (письма, дневники, воспоминания современников, материалы прессы и т. п.). Но, в отличие от подлинно документального исследования, где необходимо *доказать* выдвигаемую гипотезу, подтвердить ее строго научно — такие сочинители идут по пути гораздо более легкому, но и совершенно безответственному: они *домышляют* за своего героя — вкладывают ему в уста (или в сознание) то, что он *мог* сказать, *мог* подумать, более того — *мог написать*!

Именно так конструирует своего Достоевского И. Волгин. Он прекрасно знает литературу о Достоевском и тщательно изучил эпоху Достоевского, он собрал множество деталей, которые могут помочь воскресить отдельные стороны той эпохи, он владеет слогом и пишет легко и увлекательно (даже излишне — при-

ближаясь к манере "занимательного литературоведения", каким прозвучали в сталинские времена истории литературы, жаждавшие известности). Правда, неизбежно у читателя его толстой книги возникает вопрос: а читал ли он *самого Достоевского*? То есть — *понял* ли он Достоевского, мысль писателя, боль его души и сердца? В примечаниях к своей книге И. Волгин приводит фрагмент из "вульгарно-социологической критики 30-х годов" — оценка пушкинской речи Достоевского: "До чего же убога "родная нива" Достоевского в сравнении с теми реальными советскими нивами, на которых Мария Демченко вместе со свеклой выращивает новую, великолепную женщину... которая не может быть другому отдана!" Но хотя пассаж этот и приведен как бы в назидание — дескать, насколько далеко ушла от такого примитива современная советская наука, "идейная установка" самого И. Волгина, в сущности, та же самая, что и у процитированного им Д. Заславского. Увы.

Первые главы книги посвящены детальной "разработке" одного сомнительного мемуарного сообщения о *возможном* продолжении неоконченных Достоевским "Братьев Карамазовых": Аляша становится... революционером, совершает "политическое преступление". Этот лакомый кусок давно обсасывался советскими литераторами — как доказательство того, что писатель "не изменил революционным идеалам своей юности", "не перешел в стан реакции", что в конце жизни он таки "понял правду Революции". Но никто не пошел так далеко, как И. Волгин, поистине переплывший всех полетом своей безудержной фантазии и редкостным цинизмом. Для него Достоевский — "убежденный противник революции", *вместе с тем (?) остается искренним приверженцем ее высших (!) целей*". А потому — согласно Волгину, своего любимого героя Достоевский делает... *царевичем*! Он деловито поясняет: "Понятно, что предполагаемое покушение Аляши могло бы принести только на период продолжающегося царствования Александра Второго; само собой разумеется, что покушение должно было окончиться неудачей: ведь не мог же Достоевский при живом еще царе изобразить его гибель!". И этот бред размножен громадным тиражом в СССР и представлен, — известным академиком Лихачевым — как "умная, талантливая книга"!!!

Особенно показательны рассуждения И. Волгина на темы *монархизма* Достоевского. Преамбула: "Излишне было бы говорить о непонимании Достоевским исторической природы самодержавия: это очевидно". Такого рода поучения классиков русской литературы и гениальных мыслителей — дежурный прием всех советских "исследователей". И — трамплин для собственных измышле-

ний, в которых важно единственное: продемонстрировать презрение к прошлому и свою лояльность партийному курсу. Но и здесь И. Волгин, представитель молодого поколения советских достоевистов, лихо обошел всех своих предшественников и возможных соперников. Оказывается, Достоевский — давал "последний шанс" российскому самодержавию: "его "фантастическая идея" соединяет в себе вещи органически несовместимые (!): самодержавие выступает как орудие нравственного переворота".

Излишне было бы говорить о непонимании И. Волгиным исторического смысла русского самодержавия и духа русской литературы, таких ее выдающихся представителей, монархистов по убеждению, как Пушкин, Гоголь, Тютчев, — это очевидно из его писаний. Не лишним было бы, возможно, указать ему на то, что сходные идеи — и в пространной форме — развивал современник Достоевского, гениальный Н. Ф. Федоров, влияние которого на автора "Братьев Карамазовых" подтверждается документально. Но И. Волгину все это не нужно. Для него и Пушкин, и Гоголь "создают некий идеализированный образ монарха, имеющий мало общего с реальными представителями русского императорства". То же и у Достоевского — он ведь "мыслит как художник", а потому вкладывает в понятие "народ", "свобода", "самодержавие" какой-то особый, художественный смысл, не имеющий ничего общего с "действительностью". И уже сам И. Волгин отечески поправляет Достоевского, снисходительно указывает на его парадоксальность и алогизм: "если следовать внутренней логике того самого миропорядка, о котором печется Достоевский, то в нем не остается места для русского самодержца"! Оказывается Достоевский не понял, при всем своем ("наивном") монархизме, что самодержец

— на которого он "делает ставку" — оказывается "лишним звеном" в самой системе его, Достоевского! Писатель этого не понял, никто не понял, но вот явился И. Волгин, и все поставил на место! А вот и определение И. Волгиным самого Достоевского — после разбора составленного им юбилейного адреса Государю Императору Александру Второму в день 25-летия его царствования: "верноподданный нигилист". Любопытно, удержится ли эта чеканная формула в трудах советских достоевистов...

Спекулируя на удобных для него малоизвестных мемуарных свидетельствах, И. Волгин в примечании мелким шрифтом запрятал любопытное свидетельство Тимирязева, согласно которому Достоевский закончил свою Пушкинскую речь словами: "Что могу я прибавить к отзыву о Пушкине самого умного, лучшего из его современников — императора Николая?"

И это еще не все, что можно сказать об актуальности темы монархизма в СССР проявляющейся в таком остервенелом отношении ко всему связанному с русскими самодержцами. В рецензии на книгу И. Волгина ("Литературная газета" 8-10) доктор исторических наук В. Твардовская (дочь поэта) поправляет автора, заявившего, что "в 70-е годы 19-го столетия царизм еще пользовался определенным моральным кредитом". "С этим согласиться нельзя, — категорически заявляет Твардовская — Защита самодержавия тормозившая развитие страны, могла расцениваться — какое бы утопическое, фантастическое содержание ни вкладывал в него писатель — лишь как реакционное заблуждение".

Так написано в советской газете 8 октября, в год 1986 от Рождества Христова, на 69-й год от падения Российской Державы, в так называемую эру Горбачева.

Е. ВАГИН

В Аргентине

"РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ" ГОСУДАРСТВА

В США говорят, что одним из первых качеств президента этой страны должно быть умение быть выбранным в президенты. Это можно отнести и ко всем другим подобным политическим режимам. В частности и к Аргентине. В случае последних президентских выборов, состоявшихся три года тому назад, в Аргентине были применены также и некоторые типичные выборные методы США. Вся выборная пропаганда была поручена большому рекламному обществу "Давид Ратто". По слухам (или просто в качестве анекдота) многие утверждают, что прежде всего это общество установило, какое представление имеет большинство аргентинского общества о желательном облике президента страны. Якобы опросы и исследования мнений показали, что этот облик должен быть очень похож на... школьного учителя, внешне серьезного, но с оттенком отеческой заботы по отношению к своим ученикам, сиречь избирателям. Как видно, в рамках строгой партийной демократии, пресловутый "патернализм" тоже может иметь место.

Возможно, что кроме этого, перед каждыми выборами выбирается какая-то группа вопросов, которой и посвящается избирательная пропаганда. Перед президентскими выборами в конце 1983 года, повидимому такой группой вопросов были так называемые "человеческие права". Тогдашний кандидат в президенты, и сегодняшний президент, оканчивал почти каждую свою предвыборную речь цитатой из Аргентинской Конституции 1853 года, в которой говорится, как раз об общих человеческих правах и о праве человека на благополучие. Правда, тогда некоторые критиковали, что из этих цитат выпускалось упоминание о Боге, как источнике всякой справедливости, содержащееся в введении к Аргентинской Конституции.

Через два года, перед выборами в ноябре 1985 года, для частичного обновления нижней палаты Парламента, было обращено особое внимание на другую группу вопросов, к тому времени ставшей исключительно актуальной для всего на-

селения страны: борьба с инфляцией. В июне 1985 года, инфляция за предыдущих 12 месяцев достигла 1.129%! (К началу декабря 1983 года, когда вступило во власть новое правительство, инфляция за предыдущих 12 месяцев достигла 402%). В июне прошлого года был объявлен так называемый "австралийский план", главной целью которого была борьба с инфляцией. Почти все население поддержало этот план, и, главным образом, его цели. В населении образовалось коллективное мнение, что борьбе с инфляцией надо отдать предпочтение. Так произошла "конвергенция" желаний населения, экономической необходимости и предвыборной пропаганды. Что и помогло правительственной партии на выборах в ноябре 1985 года сохранить около половины так называемых "чужих голосов". (Политические аналитики считают, что радикалы имеют около 30% "собственных" голосов. На выборах в 1983 году они получили около 50% голосов, значит они приобрели около 20% "чужих голосов". На выборах в 1985 году они получили около 40% голосов).

Инфляция с июля прошлого года начала ежемесячно падать. В июле она еще достигала 1.003%, в августе — 826%, в сентябре — 640% и т. д. В декабре 1985 года она упала на 385%, а в июне этого года — то есть через год после "австралийского плана" — даже на 50%. Но эта последняя цифра оказалась перигеем инфляции: с июля этого года инфляция снова начала увеличиваться. В августе она уже достигла 59%, в октябре — 74%, а в конце ноября — 79%. (Речь идет всегда об аккумулярованной инфляции за последних 12 месяцев).

Таким образом, подтвердились опасения многих экономистов (и не только экономистов): одного "австралийского плана", в конечном итоге направленного лишь на достижение финансового порядка, слишком мало. Необходимы структурные реформы, главным образом в области так называемого "государственного сектора".

Правительство поняло психологическую остроту всей этой проблематики. На прошлой неделе оно объявило новый "план рационализации" всего государственного сектора. Можно предвидеть, что эта тема и будет центральной в следующем 1987 году, в котором будут снова состояться частичные выборы в парламент.

Б. П.

СОЛДАТ

Второго ноября 1986-го года в чилийской столице — Сантьяго, после мучительной и долгой болезни, скончался поручик второго полка Русского Корпуса на Балканах во время Второй Мировой войны, офицер Королевской Армии Югославии, инструктор Русского Белградского сокола, кадет славного 8-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса Владимир Фишер.

Он предан земле на Русском кладбище города Сантьяго 3-го ноября. После покойного осталась его супруга Кармен.

Вся жизнь Владимира Фишера была посвящена родине. Мальчиком он был передан перед эвакуацией своей матерью, вдовой офицера, в Полтавский Кадетский Корпус, в последствии влившись в Крымский Кадетский Корпус, который и окончил в Белой Церкви в 1928-ом году.

Блестящий гимнаст международного класса, принимавший участие на сокольских слетах в Праге, Софии и других местах, он был и замечательным товарищем, которым гордилась вся молодежь Белграда. Почти не было гимнаста, кто бы мог повторить те номера, которые исполнял на гимнастических снарядах покойный "брат Володя", как его все звали в Русском Белграде. Выступления, уже покойных, его товарищей Юры Тараканова и С.

Гвоздевича вместе с ним, остались как легенда среди молодежи. Особенно передавалась история о его стойке на руках над третьим этажом Крымского Корпуса в Белой

Церкви, за что он получил несколько дней карцера.

В Русском Корпусе мы его почитали и любили как старшего товарища, а особое пополнение, при-

бывшее из числа красноармейцев его обожало. Фишер доблестно участвовал в особо тяжелых боях второго полка.

После конца войны, уже в Австрии, он занимался обучением молодежи в Келерберге и в Парше. В Чили своей работой заслужил признание и уважение, благодаря чему продвинулся и получил потом очень высокую пенсию, о которой только могли мечтать даже люди с высоким образованием. В приютившей его стране высшие офицеры армии — чилийцы были его гостями и приятелями. Приезжающих кадет из других стран, покойный Володя принимал очень трогательно, всегда со слезами на глазах радовался, что его посещают и не забывают, воспоминаниям не бывало конца.

В начале этого года он себя чувствовал хуже, слабее, ходил и готовил себе место со своей первой женой, покойной Слободанкой. В его болезни и сравнительном одиночестве, его утешением были русские военные песни, собранные им в большом количестве; особенно он любил "Песню об Алеше".

Вечная память дорогому нашему товарищу Володе, символу нашей белградской молодежи и герою белой борьбы на Балканах 1941-45 гг.

Память о Тебе мы сохраним навсегда в наших сердцах, а Твоей супруге Кармен выражаем наше глубокое соболезнование, как и нашим последним корпусникам в Чили.

А. Плищенко

энергичная и бессиловная начала искать виновников. И, если неудачи Крымской кампании имели удовлетворительное объяснение: против России выступали такие первоклассные европейские государства, как Франция и Англия, плюс еще и Турция; если Турецкая война оставила в нации, все-таки, очень горький осадок, то Японская война была страшным ударом по национальному самолюбию. В самом деле: даже с "япошками", и с теми не можем справиться! Целый ряд поражений заканчивается Цусимой — гибелью в с е г о русского флота при почти полном отсутствии потерь в японском. Сдача Порт-Артура и — первый раз в новой истории мира — разгром европейского государства азиатским противником.

Если бы неудачу Японской войны персонифицировать в лице ген. А. Куропаткина, по той же схеме, как развал 1917 года персонифицирован в лице А. Керенского, то можно бы сказать так: ген. А. Куропаткин был до войны русским военным атташе в Японии: о степени японской военной подготовленности он обязан был знать. Он не знал. Потом он был нашим военным министром и, в качестве военного министра, он обязан был подготовить армию. Он не подготовил. Потом, в качестве главнокомандующего армией, он обязан был вести ее к победам. Он не привел ни к одной. Советская историческая литература, и художественная и научная, всячески подчеркивает героизм офицеров, и причины поражения объясняет исключительно одним — бездарностью командования. Объяснение неудовлетворительное, ибо неполное: ген. А. Куропаткин был результатом данного социального слоя. Да, интендантство, поставляя армии валенки на картонных подошвах, стесняло маневренные возможности ген. Куропаткина, но ген. Куропаткин в качестве военного министра был ответственен и за интендантство. Да, русское вооружение отставало от японского, как оно отставало от турецкого в войну 1877 года и от союзного в Крымскую войну. Может быть, не хватало денег на артиллерию. Но почему не хватило знания о за-

— 30 —

нансировал" революцию 1917 года и, если да, то кому он давал деньги. Но, если он их и давал, то — в конечном или еще неконечном счете, для того, чтобы на тучной почве русской революции вырастить Адольфа Гитлера. Так что, деньги если и были вложены, были вложены не совсем туда, куда следовало. Несколько умнее поступили другие евреи. В числе прочих факторов, способствовавших разгрому революции 1905 года, был заем в 800 миллионов рублей, который дом Ротшильда устроил для России. Еврейская революционная и шовинистическая пресса — есть ведь и еврейский шовинизм, как есть русский и другие — предала дом Ротшильда анафеме, что не помешало ему существовать и до сих пор.

Революционное движение 1905 года было л о с к у т н ы м , — как всякое революционное движение в мире и истории. Крестьянство воевало против помещиков. Пролетариат ставил во главу угла социально-экономические требования. И крестьянство и пролетариат действовали б е с ц е л ь н о , — ибо то же самое "самодержавие", которое они, якобы, пытались "свергнуть", делало все, что находилось в пределах данных историко-экономических условий — для того, чтобы удовлетворить з а к о н н ы е требования и крестьянства и пролетариата. Солдатская и матросская масса восставала против остзейской дисциплины. Интеллигенция — глазами образом, во имя собственной власти или, по крайней мере, участия во власти. Причем, в 1905 году, как и в 1917-ом, цели разных групп интеллигенции были абсолютно несовместимы — Миллюков, с одной стороны, и Ленин — с другой. Однако, разница между событиями 1905 года и "революцией" 1917-го была о г р о м н о й . По самому глубинному своему существу революция 1905 года была все-таки революцией п а т р и о т и ч е с к о й — при всем безобразии ее внешних форм. Россия ДО 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя, — строя, который "самодержавие" медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к

— 28 —

быть, первым из них, был А. И. Гучков — и лично, и с о ц и а л ь н о .

А. И. Гучков был представителем чисто русского промышленного капитала, который хотел и который имел право, по крайней мере, на участие в управлении страной. В этом п р а в е придворная клика ему отказывала. Об этой клике А. Суворин писал:

"У нас нет правящих классов. Придворные — даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то с б р о д " . ("Дневник", страница 25-ая).

Этот "сброд", проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым — людям, которые д е л а л и русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые у м е л и р а б о т а т ь и которые знали Россию. От и х и м е н и А. И. Гучков начал свой штурм власти. Власть для него персонифицировалась в лице Государя Императора, к которому он питал нечто вроде личной ненависти. Во всяком случае, Высочайший прием А. Гучкова, как председателя Государственной Думы, был очень холоден. В Петербурге рассказывали, что, отметая претензии А. Гучкова на министерский пост, Государь Император, якобы, сказал "Ну, еще и этот купчишка лезет". Фраза в устах Государя Императора очень мало правдоподобная. Но — фраза, очень точно передающая настроения "правлящих сфер" — если уж и П. А. Столыпин был неприемлем, как "мелкопоместный" — то что уж говорить об А. Гучкове? Лучшего премьер-министра в России не было. Но для того, чтобы назначить А. Гучкова премьер-министром, Государю Императору пришлось бы действовать в стиле Иоанна Грозного. Стиль Иоанна Грозного исторически себя не оправдал: его результатом было в частности и Смутное Время.

Предреволюционная Россия находилась в с о ц и а л ь н о м тупике, — не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, та-

— 23 —

дала их в о п с е х областях человеческого творчества, то самый важный участок — армия — был обнажен. Как ни плоха была старая бюрократия, но даже и из ее среды государи могли подбирать таких людей, как С. Витте, В. Коковцев, Н. Сазонов, не говоря уже о П. Столыпине. На верхах армии была д ы р а . После каждых крупных маневров производились массовые чистки генералитета, военный министр с трибуны парламента расписывался в бездарности командного состава армии. Но что было делать? Самый чин генерала в довоенной России приобрел, с легкой руки Ф. Достоевского, явственно иронический характер. Но — делать было нечего, людей не было и после страшной генеральской чистки, произведенной вел. кн. Николаем Николаевичем в начале войны, обнаружилось, что на место вычищенных поставить некого. Чистка подняла популярность великого князя в армии — точнее, в ее солдатском составе, но шла война и делать было нечего.

Генерал М. Алексеев был типичным генералом не от инфантерии, не от кавалерии, и не от артиллерии, а от бюрократии. Генерал — канцелярист.

Другой генерал — А. Мосолов, придворный дипломатический генерал, пишет о Ставке так:

"Окружение Царя в ставке производило впечатление тусклости, безволия, апатии, и предрешенной примиренности с возможными катастрофами."

И тут же ген. А. Мосолов прибавляет поистине: с т р а ш н ы й штрих:

"Честные люди уходили и их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе."

Таков подбор "кадров", сделанный ген. М. Алексеевым. Из каких соображений пошел он на приманку государственного переворота?

Аристократия и буржуазия имели совершенно ясные и классовые мотивы. Какие мотивы могли быть у

— 25 —

лантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом.

Сейчас, треть века спустя после катастрофы Февраля 1917 года, мы можем сказать, что объективное внутреннее положение России было почти трагическим. Сейчас, после Февральской и Октябрьской революций, мы обязаны, наконец, констатировать тот факт, что вся наша история Петербургского периода была до крайности дисгармонична: если половина носителей Верховной Власти гибли от руки убийц и из всех Императоров России только Петр Первый и Александр Перный не находились в состоянии непрерывной и смертельной опасности со стороны правящих слоев страны, то о внутренней гармонии в стране могут говорить только "Часовые" и иже с ними. Но "Часовые" и иже с ними не могут, не смеют констатировать того факта, что из всех слабых пунктов Российской Государственной конструкции верхи армии представляли самый слабый пункт. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались именно на этом пункте.

Л. Тихомиров был прав: бюрократия поставила под угрозу даже и боеспособность армии. Может быть, лучше было бы сказать точнее: не боеспособность личную, а боеспособность техническую. Блестящие традиции Суворова, Потемкина, Кутузова и Скобелева были заменены прусской муштрой, против которой так яростно восставал М. Скобелев, — последний "из стаи славных". Дольше всего эта блестящая традиция сохранилась в нашей кавказской армии, где даже и во времена Николая Первого солдат называл своего офицера по имени и отчеству, и где солдат и офицер были боевыми товарищами — младшими и старшими, но все же товарищами. Эта традиция была заменена прусско-остзейской. Целый и длинный ряд социальных причин привел к тому, что если Россия, взятая в целом, дала миру ряд людей самой, так сказать, первой величины и

— 24 —

ген. М. Алексеев. Об этом можно только гадать. Самая вероятная догадка сводилась бы к тому, что Государь Император брал командование армией в свои собственные руки и что переворот мог означать — вел. кн. Николая Николаевича в качестве регента Империи, а ген. М. Алексеева в качестве верховного главнокомандующего армией, — армией, которая стояла на пороге, казалось бы, совершенно гарантированной победы. Почему бы М. Алексееву не стать вторым М. Кутузовым? Это — самое вероятное объяснение. А, может быть, и единственное.

ЧТО ЕСТЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Прежде чем ответить на вопрос, была в феврале 1917 года революция, или никакой революции не было, нужно установить, что, собственно, есть революция? Термин — неясен и неточен. Само собою разумеется, что "революция в науке" или "революция в технике" не то же самое, что революция в государстве. Но и в государстве революции бывают разные. Дворцовый переворот тоже можно назвать революцией. Можно назвать революцией и народное восстание. Было ли Пугачевское восстание революцией или не было? Было ли революцией восстание северо-американских подданных Великобритании против их метрополии? Условимся так: революция есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. С этой точки зрения настоящими революциями были и Великая Французская революция и русская революция 1905 года.

Сейчас, почти полвека спустя, русскую революцию 1905 года мы обязаны оценить со всей доступной нам степенью объективности, — совершенно независимо от того, нравится ли она нам, или не нравится. Революция 1905 года была народной, была массовой, и была насильственной. Как и во всякой революции, ее участники ставили себе разные цели, шли разными путями и называли разные вещи одним и тем же именем

— 26 —

ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой существовала предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный строй России был отсталым строем. Это положение никак не касалось монархического принципа вообще, ибо монархии, как и генералы, "бывают разные". Сейчас, например, существует английская социалистическая монархия, — чем она кончится — еще неизвестно. В России до 1905 года существовала монархия, "ограниченная царубийством" и сдавленная пережитками крепостничества. Государь Император Николай Второй был несомненно лично выдающимся человеком, но "самодержавным" Он, конечно, не был. Он был в плену. Или, как еще резче выражается генерал А. Мосолов: "в тюрьме" — так же, как и Его предок император Павел Первый. Его возможности были весьма ограниченными — несмотря на Его "неограниченную" власть. И если при Императоре Николае Первом Россией правили "сто тысяч столоничальников", то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. Правильна ли эта по существу оценка. По существу, страна боролась против них. Но против них же, правда, в других формах, боролось и "самодержавие". Таким образом, обе линии совпадали, линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны.

Очень было бы полезно вспомнить тот факт, что "общественное движение" времен этой войны началось со студенческих демонстраций к Зимнему Дворцу с пением "Боже, Царя храни" (см. акад. Ольденбург, стр. 233). Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Сплошные поражения, закончившиеся гибелью всего флота при Цусиме, поражением при Мукдене и сдачей Порт-Артура. Нация, исключительно талантливая,

— 29 —

и одни и те же вещи — разными именами. Такова судьба всех революций. Крестьянские восстания ("беспорядки") охватили почти всю Европейскую Россию; они были направлены против дворянства, но они не были направлены против монархии. Военные восстания — бунт на броненосце "Потемкин", захват революционерами Кронштадта (26 и 27 октября Кронштадт был во власти революционеров), вооруженное восстание Черноморского флота 14 ноября (главный "герой" — лейтенант Шмидт), вооруженное восстание в Москве, начатое 2 декабря Ростовским полком, Пресненское восстание в Москве (бои за Пресню длились десять дней), вооруженное восстание в Горловке, Новороссийске, в Туркестане, на Кавказе и пр., и, наконец, всеобщая забастовка, на три дня совершенно парализовавшая весь транспорт, всю промышленность, весь административный аппарат, — все это проходило под лозунгом "Долой самодержавие". Но под этим лозунгом разные люди и разные партии понимали разные вещи. Так, например, даже пресловутого лейтенанта Шмидта советская история называет "буржуазным демократом", что эквивалентно эмигрантскому термину "разлагатель".

Таким образом, в 1905 году в России была настоящая революция — массовая, народная и насильственная. Вину в этой революции не следует сваливать ни на чьи частно-собственнические плечи: это было историческое явление, в котором желания и цели отдельных лиц так перекрещивались, что... получалось глупо, как глупо получается со всякой революцией в мире и истории. Революция 1917 года очень симпатизировал еврейский банкирский дом Якоба Шифа в САСШ, и после революции Якоб Шиф и Павел Милюков обменялись восторженными телеграммами. Якоб Шиф, как и всякий еврей того времени, был, конечно, настроен против самодержавия — однако его симпатии к русской революции были вызваны не столько русофобством, сколько германофильством. До сих пор остается неизвестным, действительно ли Якоб Шиф "фи-

— 27 —

А. ФЕДОСЕЕВ

О будущей России

4. УПАДОК И ГНИЕНИЕ "ДЕМОКРАТИИ"

В предыдущих разделах было показано, что при современной "демократии" не только меньшинства не представлены в органах весьма централизованного государства, но и само большинство народа тоже не представлено. Вместо этого представлены сменяющие друг друга две или три самых крупных партии.

Как бы ни была сильна и широка ("много") партийная власть, в "демократическом государстве" действуют также чрезвычайно мощные финансово-экономические и профсоюзные силы. Есть поговорка: "что хорошо для Джeneral Моторс, должно быть хорошо для государства". Действительно, ни одна государственная власть не может допустить разорения таких промышленных гигантов, как Джeneral Моторс. Сразу 500.000 человек станут безработными. Затем разорятся сотни и тысячи поставщиков Джeneral Моторс. Встанет производство стали, пластика, красок и т. п. материалов, необходимых в производстве автомобилей. Государство потеряет миллиарды (биллионы) долларов, которые перестанут платить в виде налогов Джeneral Моторс и его поставщики. Страна будет ввергнута в страшнейший экономический кризис. Поскольку Джeneral Моторс — международная корпорация, будут закрыты ее предприятия и в других странах. Экономический кризис ударит и по другим странам.

Не удивительно, что такие гиганты мощнейшим образом воздействуют на государственную политику любой страны во всех вопросах ее жизни. Банкротство такого гиганта означает ведь банкротство всей страны. У правительства выбора нет. Когда Крейслер в США (250.000 работников) дошел до банкротства, правительство немедленно распорядилось выдать Крейслеру заем в несколько миллиардов долларов, чтобы предотвратить банкротство. Любопытно, что (согласно официальным цифрам) самым крупным поставщиком налогов, например, в США являются не гигантские корпорации, а "эксплуататор"-частник, на которого падает главная тяжесть налогового гнета — 34 % всех налогов. В то же время, этот частник получает всего 3,5 % всех субсидий на разработки и исследования. Так корпорации получают от государства очень много, а дают ему очень мало, являясь страшной обузой для страны. Больше того, по данным Массачусетского Технологического института, в США половина наиболее крупных новшеств создается в фирмах с числом работников менее 1.000. По канадским данным за период с 1969 по 1977 гг. частники-"эксплуататоры" создали 72 % всех новых рабочих мест, а корпорации уволили 124.000 человек. Возьмите еще для примера такой гигантский банк, как Сити Корпорейшен. Он имеет миллионы вкладчиков, обладает имуществом в 170 миллиардов долларов, обеспечивает кредитом сотни тысяч разных фирм, ворочает капиталом в 680 миллиардов долларов. Весь национальный доход США всего лишь в 5 раз больше — около 3.000 миллиардов. Допустите банкротство этого банка и тоже государственная катастрофа обеспечена, включая разорение миллионов несчастных вкладчиков. (Обыватель и не подозревает, на какой бомбе он сидит!)

Не удивительно, что интересы этих гигантов определяют главные

направления политики государства, как внутри страны, так и во внешнем мире. Не удивительно, что интересы этих гигантов сыграли огромную роль в возникновении двух последних мировых войн. Общеизвестно также, что эти гиганты международного класса и создали гитлеровскую военную мощь и финансировали Гитлера в течение войны, действуя против интересов собственных стран. Это показывает, что правительства оказываются также неспособными и контролировать своих гигантов и они, фактически, правительствам неподвластны.

Вот еще небольшой, но очень яркий и свежий пример того, что правительства находятся в плену у корпораций. 16-10-1986 года английское телевидение сообщило следующее. В Англии произошел значительный рост числа заболеваний раком легких и смертей от него, вызвавший дополнительную нагрузку на систему "бесплатного" здравоохранения. Это, в свою очередь, привело к общенациональной кампании против курения. Эта кампания подстегивалась и тем, что курящие отравляют не только себя, но и соседей. Было относительно нетрудно запретить курение в ряде общественных мест. Однако, табачная промышленность — это сотни тысяч работников и миллиарды налогов, пополняющих государственную казну. В условиях дефицита бюджета и 3,3 миллионов безработных какое правительство может освободить страну от отравы?

С алкоголем дело и еще хуже. В Англии последние годы смертность молодежи, связанная с потреблением в большом количестве алкоголя, достигла 1.000 человек в год. (И без того число пенсионеров может скоро превысить число работников). Отмечается также, что смертность молодежи от наркотиков в 20 раз меньше, чем от алкоголя. Многие виды преступлений и катастроф вызваны опьянением алкоголем и стоят налогоплательщику огромные суммы денег. Тем не менее реклама алкоголя все усиливается и усиливается, особенно, на телевидении. Усиливается и направленность рекламы на молодежь. Создается образ этакое неземное существо, успешного молодого человека, который мужествен и успешен потому, что он употребляет алкоголь, или употребляет алкоголь потому, что он уже взрослый и независимый человек. Несмотря на налоги алкоголь с начала века значительно подешевел и стал гораздо более доступен молодежи.

Однако, как и табачная промышленность, алкогольная промышленность сконцентрирована в нескольких гигантах, которые дают работу 750.000 работников и 6,5 миллиардов фунтов стерлингов налогов государству. Закройте хотя бы один гигант и сотни тысяч человек потеряют работу, а в государственной казне появится нехватка миллиарда фунтов стерлингов. Вот и приходится терпеть и губить ценнейшую часть населения — молодежь. Если бы вместо нескольких гигантов было бы десятка два-три более мелких фирм, можно было бы закрывать по одной и постепенно прекратить и рекламу и отравление. Люди давно чувствовали страшную опасность от появления гигантов. Почти во всех странах Запада существуют законы и специальные органы против появления гигантов и монополий. К несчастью, этим

воспользовались сами монополисты и сами взялись за создание этих законов. В США, например, их создал Рокфеллер (основатель рода) с целью укрепить свою собственную нефтяную монополию и ослабить своих конкурентов. В результате, эти законы так сформулированы, так ограничены, так дороги для претворения в жизнь, что их употребление под силу только самим гигантам и монополиям с их миллионами денег и штатом из множества опытных и ловких юристов.

Поэтому рост гигантов и монополий и концентрация финансовой и экономической силы по всему Западу продолжается в огромных масштабах. Каждый день один гигант поедает другой или сливается с другим. Даже президент Рейган, под давлением необходимости защитить своих гигантов от разорения под воздействием атаки японских гигантов, был вынужден еще ослабить эти куцые законы и разрешить невиданные ранее слияния гигантов в супергиганты для усиления их экономической силы по отношению к японским конкурентам.

Наряду с финансовыми и экономическими гигантами действуют и миллионные профсоюзы. Миллион дисциплинированных профсоюзников под руководством их боссов, могут поставить на колени любое правительство. В Англии профсоюзы объединены в гигантский (11 миллионов членов) Конгресс тредюнионов. Конечно, этот Конгресс является, по существу, вторым, не избранным, правительством Англии. Именно мощь профсоюзов, гигантски выросшая с конца прошлого века, сокрушила прежнюю владычицу морей и величайшую индустриальную державу в мире — Англию. Профсоюз докеров начисто ликвидировал большую часть знаменитых английских портов. Профсоюз угольщиков заканчивает сокрушение угольной промышленности Англии. С 1900 года производство угля в Англии уменьшилось в два раза, с 228,8 миллиона тонн до 116,4 миллиона тонн в 1983 году.

Легко видеть, насколько сплетаются между собой интересы государства, большого бизнеса, боссов миллионных профсоюзов. Управители государственного аппарата, парламентарии, управители большого бизнеса и миллионных профсоюзов взаимно перемешаны, непрерывно перемещаются из одной сферы управления в другую, и составляют, практически, единую касту управителей страны, ее элиту, нечто напоминающее советскую "номенклатуру". Таким образом в современной "демократии" не только политическая, но и всякая другая власть от населения страны отобраны и находятся в руках управляющей элиты.

Можно добавить, что и формирование "общественного" мнения (пресса, радио, телевидение, книги и т. п.) оказалось полностью в руках элиты. Не приходится удивляться, что значительная часть населения, лишенная и голоса и возможности самостоятельной творческой, созидательной деятельности, обращается к тому, что еще доступно: к разврату, наркотикам, алкоголю, декадентству, дебошам, преступности, к бессмысленному терроризму, к сепаратизму и, наконец, просто к взаимным раздорам. Все высокие ценности духа оказываются не только бесполезными, но и вредными для существования и выживания. Они исчезают, как дым.

Появляется явное разделение на "мы" и "они", то есть правители, государство. Государство превращается во врага.

Люди, родившиеся и выросшие в стране становятся чужими в своей собственной стране и государстве. Чувствуют себя во враждебном окружении.

За исчезновением соборности и авторитарности последовал упадок и гниение, так называемых "народоправия" и "демократии".

И посмотрите, чем полны газеты, радио, телевидение: биржевые курсы, курсы фунтов стерлингов, доллара и т. д. Манипуляция акциями и валютами на Биржах становится важнейшей частью жизни. Акции той или другой корпорации сейчас могут сильно подорожать, а через час сильно подешевеют, хотя на предприятиях этой корпорации абсолютно ничего не изменилось. А если они слишком упадут в цене на Бирже, так корпорация разорится и люди станут безработными, хотя, опять-таки, на самих предприятиях ничего не изменилось. Спрашивается, почему корпорация разорилась? Просто другая, конкурирующая корпорация стала массами продавать акции этой корпорации, чтобы ее разорить.

Тут же на Бирже, предприятия и корпорации, со всеми их работниками, продаются другим корпорациям не только без согласия их работников, но даже без их ведома.

Все эти биржевые 0,1 % выше курс акций или ниже означают на скромный вклад, скажем, в 1.000 фунтов стерлингов какой-нибудь 1 фунт стерлинга в год, но для человека, ворочающего сотнями миллионов (чужими), это будет означать доход в миллион фунтов стерлингов.

Трудно сомневаться, что эта биржевая суматоха служит только интересам управляющей элиты и ее обогащению через спекуляцию и разорение всякой мелочи.

Могут сказать, что все это хозяйство гигантов и Биржа организуют страну, обогащают ее. Боюсь, что это чистая фантазия. Богатство любой страны создается трудящимися. Вся духовная и материальная культура создается только ими и никем более. Поэтому Биржа есть способ перекачивания богатств страны из карманов населения в карманы спекулянтов и элиты. Могут сказать, что корпорации выпуском акций создают себе кредит и тем увеличивают вложения в развитие народного хозяйства. Но тот же кредит возможен и через банки, без Биржи. Мне кажется, этот лишний способ финансирования через акции приносит гораздо больше вреда, чем пользы, создавая машину спекуляций, биржевых и экономических кризисов и просто коррупции. Чем больше власть над страной переходит в руки биржевиков и управляющей элиты, тем больше колоссальный творческий, созидательный потенциал миллионов отдельных людей населения перестает использоваться и реализоваться. Рост материальной и духовной культуры и благосостояния страны начинает тормозиться, а рост безработицы и нищеты ускоряется. Так как управляющая элита все более изощряется в своем обогащении, контрасты богатства и нищеты нарастают и происходит поляризация страны на процветающую управляющую элиту (тоже трудящихся, не чужаков) и на нищую массу рядовых трудящихся, потерявшую возможность

участия в управлении и возможность творческой самостоятельности.

Английский, высокоавторитетный журнал "Экономист" пишет, что, так называемый, "средний класс" постепенно исчезает. Единицы поднимаются в управляющую элиту, а большая часть спускается в бедность и нищету. Любопытно, что в этих условиях судьбу "среднего класса" разделяет и собственник-предприниматель, то есть, кого называют, по непониманию, "жадным частником-эксплуататором". Тот самый частник (не монополист), который дрожал над каждой копеей (в том числе, расходуемой на себя), выжимая из трудящегося (по взаимному согласию) высшее качество и количество труда за умеренную зарплату, то есть служил оплотом против инфляции, безработицы и роста нищеты, приумножая благосостояние всего населения, а не только элиты. Вместо него и его частной собственности появилась эта самая элита и государственная и общественная (акционеров) собственность. Командующей государством и этой собственностью элите нет нужды дрожать над каждой общественной копеей. Нет необходимости особенно трудиться над организацией труда, его качеством и количеством. Зарплаты себе и доходы можно вздуть и без этого: своя рука — владыка.

Посмотрите развивающиеся страны, хотя бы Южной Америки! Международные банковские и промышленные гиганты, под крики удовольствия собственных Южной Америки управляющих элит, насадили в них такие же гиганты государства, большого бизнеса и миллионных профсоюзов. Подмяли под себя, под лозунгом развития страны и повышения благосостояния, всю независимую (национальную) предпринимательскую деятельность, которая, не успев развиваться, оказалась ликвидированной. В результате, южноамериканская элита уже процветает и широко пользуется вождельным американским образом жизни. Как советская номенклатура устроила для себя одной коммунизм, так и южноамериканская элита уже устроила себе американский образ жизни, то есть образ жизни американской элиты.

Легко видеть, к чему все это движется. Можно представить, как произойдет окончательное сращение (многopатийного) государства, большого бизнеса и миллионных профсоюзов и создание тоталитарного социалистического государства. Для этого нужно только окончательно

но задушить "жадного частника-эксплуататора". Тогда все будет принадлежать государству, а командовать всем будет элита, как в СССР командует "номенклатура". Впрочем можно частника и не ликвидировать полностью, а свести его к тому же уровню, как в нынешних Польше, ГДР, Венгрии. Существенно, что для превращения "демократии" в социализм никакой революции не понадобится. Этот путь был давным давно, предсказан рядом крупных социалистов, которых социалисты-марксисты (коммунисты) называли ренегатами.

Заканчивая эту критику, я хочу, чтобы не получилось недоразумения, сказать следующее. Жизнь даже самой бедной части населения западной "демократии" неизмеримо лучше, чем в любой социалистической стране, включая страну зрелого социализма — СССР. Все еще сохранились невозможные при социализме права и свободы для населения, включая драгоценнейшую свободу передвижения. Суть пока лишь в ясно выраженной тенденции западной "демократии" двигаться к тоталитаризму и социализму через постепенное превращение частной собственности в государственную и общественную и через замену свободного конкурентного рынка высокой организацией и планированием. Если эту тенденцию Запад не сумеет ликвидировать (что сейчас не кажется вероятным), тогда западной цивилизации будет конец, как, в свое время, это произошло с древнегреческой, древнекитайской и древнеримской цивилизациями и по вполне аналогичным причинам.

Так или иначе, сравнительно недавно до превращения "демократии" в социализм, она уже успела превратиться в бранное слово.

Поэтому было бы безумием предлагать для будущей России американский или, вообще, западный образ жизни. Это бы значило направить Россию опять по пути к тоталитаризму и социализму. Будущая Россия должна найти третий путь: не социалистический и не западно-демократический. Мне кажется, что этот третий путь вероятно окажется созданием государства социального равновесия. (Смотрите "Наша Страна" № 1873 и следующие). Весь опыт социализма в нашей стране и западной "демократии", то есть монополизма, подсказывает нам этот третий путь. Путь, который ведет Россию наконец, к свободе и процветанию.

А. ФЕДОСЕЕВ

ПЕЧАТЬ

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В статье "Мир сегодня" ("Русская Жизнь" от 10 сентября с. г.), В. К. пишет: "А поведение Западной Демократии сразу после окончания войны, когда выплачивали всех антикоммунистов для выдачи советским властям? — Я думаю, что этого россияне никогда не забудут. Вряд ли может вернуться доверие к этим странам".

И не должно возвращаться! Но, почему В. К. употребляет прошедшее время? Ужасно, но правда: западный мир, а в частности и специально американцы, сейчас, заключив союз с чекистами, активно вылавливает всех антикоммунистов для выдачи советским властям. Уже можно назвать имена мучеников великорусской, украинской, эстонской и румынской национальности; а мы еще не о всех и знаем, и главное, чудовищная, преступная кампания сия только еще начинается! Каких кошмаров можно ждать впереди!..

Нам бы следовало всем объединиться, воззвать о помощи к людям доброй воли, и изо всех сил, не покладая рук, бороться с торжествующим злом, сеющим гибель в наших рядах и причиняющим непоправимый вред.

МОНАРХИСТЫ В УГАНДЕ

В той же газете, в номере от 4 сентября, в отделе "За неделю", за подписью К. С., мы читаем: "Всем монархистам вероятно интересно будет узнать, что в Уганде в данное время идет кампания за восстановление монархии. Как нам сообщили из достоверных источников, европейские колонизаторы 19 века были потрясены, увидев в Уганде прекрасно организованное государственное управление существовавшее, безо всякой "помощи извне" и достигшее сравнительно высокого культурного уровня... Несмотря на все, монархический принцип был по душе народам Уганды... Желаем Уганде полного благополучия и доброго, хорошего короля! И пусть коммунисты всего мира грызут себе с досады ногти!"

Присоединяемся от души к этому разумному пожеланию, и пожелаем тоже, чтобы "Русская Жизнь" более открыто и последовательно

служила монархической идее, чем оно покамест делается.

ХУЛИТЕЛИ РОССИИ

По поводу нового советского фильма "Багратион", С. Черток растекается черной злобой по адресу исторической России. А редакция "Русской Мысли" (в номере коей от 7 ноября с. г. его опус опубликован) аж приплясывает от восторга: такой товар и нужен, и ей, и ее закулисным хозяевам! Передадим слово самому пакостному клеветнику: "Когда на смену революционной идеологии пришла государственная идея, в самодержавных покорителях соседних народов стали подчеркивать их патриотизм, они перестали быть тиранами и оказались "исторически прогрессивными", "положительными" для своего времени".

Послушать г-на Чертока (а имя-то какое у него подходящее!), если русский народ любит своих национальных героев, гордится своими великими государями и полководцами, то это только потому, что так распорядился Сталин! Как бы не так: Сталин, в час опасности, был принужден воззвать к святым теням нашего прошлого. И уж верно он сие нехотя сделал, — но понимал, что только этим путем можно народ сплотить для сопротивления иностранным завоевателям. Благодаря этому, и открытию церквей, и туманным обещаниям, а главное, благодаря тупой, абсурдной политике немецких национал-социалистов, ему и удалось выиграть войну.

Но обращение к исполинам минувших дней есть для большевиков очень опасное, взрывчатое оружие: народ отлично сознает, что ни Сталин, ни всякие Хрущевы с Горбачевыми никакого отношения не имеют к св. Александру Невскому, Екатерине Великой, Суворову, Кутузову или Багратиону. Обращение к тем сулит, в конечном счете, низвержение гнета компартии и возврат к вечной и подлинной России.

Сия же перспектива страшна большевикам, — но не менее того и мелкой русофобской нечисти, вроде Чертока. Оттого он и бесится. Но позор газете, которая его грязную клевету печатает! И, поистине, — ну как она смеет называть себя "Русской Мыслью"?! Увы, — бумага все терпит...

В. Р.

Кадетская Встреча

В воскресенье 21 декабря с. г., после Божественной Литургии, в храме Св. Сергия Радонежского в буэносайресском пригороде Вижа Бажестер будет отслужен молебен с поминовением, по поводу корпусных праздников Донского императора Александра Третьего Кадетского Корпуса и Первого Русского Кадетского Корпуса.

После молебна в зале епархиальной школы состоится традиционная кадетская встреча.

Вышла из печати и поступила в продажу:

"ПАМЯТКА 1-ой РУССКО-СЕРБСКОЙ ГИМНАЗИИ. БЕЛГРАД 1920 — 1944".

Прекрасно изданная книга содержит большое количество фотографий.

Цена: 23 ам. долл.
В Аргентине: 20 австралий.

Заказы направлять по адресу:
Mr. G. MITKEVICH — 2 Peter Ct.
HUNTINGTON STA. NY 11746 USA
Tel. (516) 421-5606

В Аргентине по адресу:
Sra. M. de LOVCOVS — Pasaje 134
No. 751, 1653 V. BALLESTER
Prov. Bs. As. Tel. 768-3237

В субботу 15 ноября с. г. после короткой болезни скончалась

МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА МАРЧЕНКО
урожденная МУХА

и погребена на Британском кладбище.

В 40-й день кончины — 24 декабря с. г. в 11,00 часов в храме Св. Троицы в Буэнос Айресе на улице Бразиль 315 будет отслужена панихида.

О чем сообщает дочь покойной Алла.

Единственный русский иллюстрированный журнал в Зарубежье

«Наши Вести»

Выходит раз в три месяца.

41-й год издания.

Подписка 12 долларов в год.

Чеки выписывать на:

"NASHI VESTI", P. O. Box 4616, San Francisco, CA 94101, USA

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,40. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Interes general. Conces.No. 3980